

Алексей Павлович Оклабников

ДРЕВНЯЯ СИБИРЬ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ

Археология Сибири имеет свою длительную историю. История эта начинается, фактически, с первых шагов русских землепроходцев. Перед ними открылась огромная и неизведанная страна, населенная множеством неизвестных миру племен и народностей с различными языками и культурами.

Речь идет о прошлом обширного края, об истории многочисленных племен и народов, населяющих и населявших пространства между Уралом и Тихим океаном, от Ледовитого океана до монгольских степей – Центральной Азии. В распоряжении исследователей Сибири не только эти огромные пространства Советского Союза, то, что называется иначе Северной Азией, но, по существу, целые страны, в каждой из которых свой природный мир, свои ландшафты – степи и лесостепи Южной Сибири, тайга, тундра, уссурийская тайга. Свои культурно-этнические комплексы, своего рода целые этнические миры – каждый со своими культурами и языками.

Здесь представлены все ветви большой группы племен и народов, которая получила от Кастрена наименование *Уралоалтайской* – тунгусы, монголы, тюрки, финно-угры. В Сибири живут и загадочные палеоазиаты Центральной Сибири – кеты. А также палеоазиаты северо-востока – луораветланы, чукчи, кымыпланы-коряки, эскимосы-юнты, интельмены-камчадалы, нивхи-гиляки, общим для которых является только один признак – тот, что они ни имеют ничего общего в языках со всеми другими обитателями Сибири.

В Сибири живут, наконец, и славяне, индоевропейцы и русские. За триста лет своего пребывания за Уралом русские стали таким же коренным народом, как и все остальные, составляющие основную часть ее населения, – 22 и 23-х миллионов человек.

Историей этих народов, естественным образом, интересовались поколения исследователей, в том числе и, можно сказать, в первую очередь, археологи, поскольку именно они должны были раскрыть первые страницы и главы летописи прошлого сибирских народов¹.

Уже в первых летописях – хронографах, в известиях путешественников, в знаменитой „Чертежной книге Сибири“ Семена Ульяновича Ремезова содержатся сведения и по археологии Сибири. Отмечаются наскальные рисунки, в которых видели неведомую письменность, обнаружены были и настоящие письмена рунического типа, и на самом деле удивительным образом напоминавшие рунические надписи средневековой Скандинавии. Жадные до золота вольные искатели – „бугровщики“ раскапывают богатые могильным золотом древние курганы. В летописи и первые карты Сибири заносятся остатки древних крепостей и городков.

Чем дальше, тем больше расширяется диапазон исследователей, тем важнее встающие перед исследователями проблемы. За триста лет был накоплен огромный фактический материал по древнейшему прошлому Сибири.

Но настоящая археология Сибири и Советского Дальнего Востока начинается, естественным образом, в советское время. Археология превращается в историческую науку в подлинном и настоящем значении этого слова.

Первая, исходная, проблема первоначального заселения этих восточных областей Советского Союза человеком.

В самом деле, как давно появился человек, в этих суровых по климатическим условиям районах нашей планеты?

Вполне понятен, поэтому, тот интерес, который привлекли в России и за ее пределами первые палеолитические находки на реке Ангаре, вблизи Байкала – в черте города Иркутска, изученные с образцовой для того времени методикой двумя польскими по происхождению учеными, геологами, И.Д. Черским и А.Л. Чекановским. Это были кости ископаемых животных ледникового периода и орудия из камня, а также удивительные предметы искусства людей ледниковой эпохи, обнаруженные в 1871 г. при строительстве прежнего Военного Госпиталя в городе Иркутске.

Затем последовали открытия И.Т. Савенкова на Афонтовой Горе в городе Красноярске, в Лагерном саду в городе Томске. И снова в Иркутске, на Верхоленской Горе, где М.П. Обчинников обнаружил серию каменных изделий, сопровождавшихся костями мамонта.

Одним словом, уже в конце девятнадцатого столетия стало ясно, что в самое суровое время, в ледниковом периоде, т.е. выражаясь языком

¹ История Сибири в пяти томах, т. 1, Древняя Сибирь, Ленинград 1968.

современной науки, в верхнем плейстоцене, человек уже обитал на Ангаре, Енисее, в бассейне третьей великой реки Северной Азии – на Оби в районе нынешнего Томска.

Но все-таки, как давно, вообще появился человек на этих пространствах, как глубоко уходит в прошлое история народов Сибири?

До недавнего времени в нашем распоряжении были радиоуглеродные датировки палеолитических послений Сибири, которые не позволяли углубиться в минувшие тысячелетия далее чем в 14^е, максимум 20^е тысячелетия тому назад. И вообще, когда заходила речь о древнейших палеолитических памятниках Северной Азии, не было уверенности в датировках даже таких важнейших палеолитических поселений как Мальта, как та же Афонтова Гора.

Тем важнее серия новых фактов, позволяющих к совершенно новым и неожиданным выводам относительно времени первоначального заселения Северной Азии нашими предками.

Еще 17 лет тому назад в 1961 г. автору статьи удалось найти оббитую гальку у подножья невысокого холма в г. Горноалтайске, где расположено старое кладбище, над речкой Улалинкой, притоком Маймы, которая питает город своей чистой водой.

С тех пор Упалинка, как называли это местонахождение древних каменных изделий „артефактов”, неизменно привлекает внимание археологов и геологов. Дело в том, что одинаково необычны, одинаково неожиданны и каменные изделия, и геологические условия залегания найденных там предметов.

Что касается каменных изделий, то они представляют инвентарь, необычный для Сибири уже по своей примитивности, по набору изделий. В основе здесь представлена чисто галечная культура: или целые, слегка обработанные лишь на одном конце гальки, или слегка подработанные легкой оббивкой расщепленные гальки-сколы. В том числе – такие галечные „ломти”, как пещере Географического общества на Дальнем Востоке. Среди немногочисленных готовых вещей есть скребловидные орудия и, что очень важно, инструменты с выемками „с носиками”. Пластины на Улалинке целиком отсутствуют.

Изучая отложения Улалинки геологи первоначально пришли к выводу, что они складывались в ледниковое время, но задолго раньше мустьерского времени. Иначе говоря, в эпоху не среднего, а нижнего палеолита. По крайней мере, в промежутке между двумя большими ледниковыми этапами, в ресс-вюрмское время по европейской классической шкале ледниковых этапов, т.е. не менее ийта тысяч лет тому назад.

Новый поворот событий произошел в этой области в мае 1977 г. В этом месяце мы побывали с видным сибирским геологом из Тюмени,

профессором Л.А. Рагозиным. Он давно уже работает на Алтае и занимается изучением не только четвертичных, но и дочетвертичных отложений. Если взгляд геологов-четвертичников ограничен, естественным образом, ледниковой эпохой, то Л.А. Рагозина занимают более отдаленные времена геологического прошлого Алтая.

И вот, говоря его собственными словами, окончательный вывод из предпринятого им нового экзамена Улалинского местонахождения каменных изделий: новые данные „позволяют точно установить верхнюю стратиграфическую границу Улалинской стоянки по перекрывающему слою золотисто-желтых пластичных „кочковских” глин и определить ее возраст древнее 690 тыс. лет. Нижняя возрастная граница остается пока открытой, неопределенной. Без дополнительных исследований трудно решить, к каким именно горизонтам кочковской свиты относятся улалинские галечные орудия. Тем не менее, не исключена вероятность того, что возраст Улалинки близок к „эпизоду Олдувэй”.

И нужно, следовательно, отсчитывать перволюдям Сибири, оставившим это уникальное местонахождение своих каменных изделий, „артефактов”, не 20, не 40, даже не 100 тысяч лет, а может быть, полмиллиона и еще более – уровне Гомо Габилиса, найденного Луисом Лики в Олдувэйском каньоне у озера Виктория в Африке!

Почему бы и не так? Ведь и на самом деле до открытий в Олдувэе никто не мог предположить, что человеку, его отдаленным предкам в Африке отмерена для эволюционного развития такая громада тысячелетий, что и сам питекантроп на острове Ява возрастом в 800 тыс. лет всего лишь ребенок сравнительно гоминидами Олдувэя. Сравнительно с этими предлюдьми, обладавшими поразительно малым мозгом, почти обезьяньим, но уже способными изготавливать каменные орудия труда и потому названными именно из-за такого поразительного контраста между малым мозгом и орудиями – человеком „умелым”. Не „разумным”, как мы, именно – „умелым”! Такая идея, конечно, совершенно неожиданная и требует дальнейшей многосторонней проверки, прежде всего с геологической стороны проблемы. Но ведь, столь же неожиданным и породившим ожесточенную многолетнюю дискуссию, было открытие неандертальского человека. И, наконец, совсем недавно сделал свои открытия в Африке Л. Лики. И кто мог ожидать, что в Китае будет найден синантроп вместе с его каменными орудиями?

Столь же неожиданно выдающийся венгерский ученый геолог и археолог Ласло Вертеш обнаружил в 90 км от Будапешта в городке Вертешщёллеш своего, венгерского, питекантропа.

Серию интереснейших находок начала давать Ангара. Так случилось в районе устья реки Иды, где иркутскому энергичному археологу Г.И. Медведеву встретились расщепленные валуны кварцита на высоких

отметках: чем выше речная терраса, тем она древнее. Точно такие же оббитые кварцитовые вылуны находили и мы много ранее, еще в пятидесятых годах, на тех же местах, начиная от Бурети далее вниз по Ангаре, к Каменке и устью реки Иды.

Конечно, есть основания и для скептицизма. Известно, что на Ангаре, где практически не было местного кремня, кроме малопригодного из известняковых отложений, кварцитом пользовались во все эпохи каменного века, в том числе неолитические племена.

Но как давно пошел в дело кварцит у мастеров каменного века — неизвестно, и не исключено, что кварцит привлек внимание людей, оказавшихся в долине Ангары в самом начале, задолго до верхнего палеолита.

Открытие Улалинки дало новый импульс и раскрытию загадки этих оббитых валунов кварцита и на Ангаре. В июне 1977 г. мы видели, какую огромную работу для археологов выполняют волны и верта, пременами ураганной силы, выполняют на водохранилище Братской ГЭС, в местах, где многие годы велись наши раскопки, в том числе в районе, где некогда находилось знаменитое палеолитическое поселение с его жилищами, построенными из костей мамонта, черепов носорогов и рогов северного оленя.

И здесь раскрылась впечатляющая картина. Вдоль пляжей водохранилища лежали расколотые и целые кости ископаемых животных, расщепленные и оббитые древним человеком валуны того же кварцита.

При внимательном изучении наших находок и отложений, с которыми они были связаны, возникло решение, подсказанное работами на той же Улалинке. Обработанный камень в ряде мест так или иначе связан был не лесом поздней ледниковой эпохи. Он был, в одних местах перенесен природными силами, может быть, древними реками, той же „Пра-Ангарой“, с более высоких уровней и сложен вместе с необработанными гальками и валунами на более низких уровнях. Но, во всех случаях, толщи желтого лесса отложились много позже, в совершенно других климатических условиях, когда количество влаги резко уменьшилось, а, соответственно, установился иной, континентальный, сухой климат.

Что касается среднего плейстоцена, то едва ли не столь же удивительной находкой, чем каменные изделия Улалинки, но только лишь в совершенно ином модфологическом роде явилось типично ашельское или самое позднее — раннемустьерское ручное рубило бифац, аббевилиенского типа, обнаруженное автором статьи осенью 1977, на правом берегу р. Амура, в районе села Богородсково (районного центра Ульчского района Хабаровского края). Это изделие взято у подножья великолепного разреза среднеплейстоценовых отложений. Следовательно, возраст его может быть определен около 300 тыс. лет.

Рубило из с. Богородского, таким образом, продолжает эволюцию культур Северной Азии — от галечной техники к ашельской технике ручных рубил.

В пользу мысли о глубочайшем возрасте Улалинского поселения-мастерской свидетельствуют и другие открытия новейшего времени, позволяющие еще более уверенно строить хронологическую лестницу древнейших памятников сибирской археологии, проглотать историю древнейших обитателей Сибири по направлению к среднему и верхнему плейстоцену.

С.И. Руденко и его помощники еще в 50-х гг. решили произвести раскопки в уютной, издали видной пещере на высоком утесе в устье реки Кан, при впадении этой речки в Чарыш.

Раскопки были произведены, правда, с излишней поспешностью, „некорректно”. Но материал их заинтересовал других исследователей. Автор этой статьи первым высказал мысль, что там имеются остатки культуры весьма древней и, явно, предшествующей верхнему палеолиту. Иначе говоря, соответствующие по типам и возрасту среднему палеолиту Европы и Средней Азии, т.е. эпохи мустье и неандертальского человека. Специальный типологический и статистический анализ подтвердил в последствии такое предположение.

Вслед за раскопками в Усть-Канской пещере в новом десятилетии на том же Алтае, на этот раз в новом районе, исследователи пещер, спелеологи-томичи и новосибирец Н.Д. Оводов подарили науке новый, еще более богатый находками, пещерный памятник эпохи палеолита. Им явилась пещера „Страшная” в Тигирекских горах на том же Алтае.

Пещеру „Страшную” заполняет мощная толща рыхлых отложений. Глубина культурного слоя достигает 6 м более. И вся она насыщена костями ископаемых четвертичного периода, а также каменными изделиями древнего человека.

Среди них имеются специально подготовленные характерными леваллуазскими приемами полуфабрикаты-нуклеусы, предназначенные для скальвания с них крупных отщепов и правильных крупных пластин удлиненно-треугольной формы. Каждая такая пластина могла и без дополнительной обработки мелкими сколами-ретушью служить ножом, кинжалом, а если ее прикрепляли к длинному древку-ратовищу, то и наконечником охотничьего копья. Данные радиоуглеродного анализа, выполненного в лаборатории института геологии и геофизики Сибирского отделения Академии наук, дают повод полагать по заключению руководителя этой лаборатории, что возраст находок в пещере Страшной: „значительно *DREWNEE* 40–45 тыс. лет”.

Картина, которая раскрывалась перед исследователями в пещерах Алтая, была существенно дополнена наблюдениями, полученными при

исследовании поселений того же времени под открытым небом, на этот раз за Байкалом.

Одно из самых замечательных поселений первобытных охотников такого рода оказалось в долине небольшой речки Брянки, притока реки Уды за Байкалом, в Бурятии. Оно было обнаружено у крутых гранитных скал на „Варваринной горе”.

Здесь на большой площади залегали какие-то сооружения из глыб дикого камня. Возможно, это были остатки первобытных жилых конструкций. С ними связаны были скопления костей диких животных, в том числе шерстистого носорога, дикой лошади, быков, даже яка.

Тут же оказались нуклеусы, совершенно аналогичные найденным на Алтае в пещере „Страшной”, такие же широкие крупные пластины. Но самыми неожиданными явились бусины-кружочки, изготовленные из... скорлупы яиц страуса!

По данным радиоуглеродного анализа древнее поселение на Варваринной Горе датируется не позже 30 тыс. лет тому назад, т.е. может быть отнесено по европейским хронологическим масштабам к концу мустьерского времени или самое позднее – к начальному этапу верхнего палеолита, к переходу от мустье к верхнему палеолиту.

Отсюда следует, что в то далекое время (по результатам радиоуглеродного анализа, по крайней мере 30 тыс. лет тому назад) уже зарождаются зачатки эстетического чувства и тех представлений, из которых вырастает достаточно сложное мировоззрение, создаются первые мифы и легенды.

Итак, Сибирь была заселена и в мустьерское время, в пределах 100–40 тыс. лет тому назад, когда неандертальцы хоронили своего сородича в гроте Тешик-Тапш. Вероятно, оттуда же, из соседней Средней Азии, где так щедро представлена мустьерская и деваллуа-мустьерская культура, люди мустьерской культуры проникли на Алтай. И, должно быть, еще далее на Восток, в Забайкалье.

Этого, кажется, было вполне достаточно даже и для самого горячего воображения археологов, стремившихся найти и в Сибири что-то сходное с событиями, происходившими тысячи лет тому назад в соседней Европе или в том же Китае, который законно славится своим синантропом или „лантьянским человеком”.

Галечная культура Улалинки рубило с Амура. Наконец, леваллуа-мустьерская культура и ее вероятный носитель, пока еще не найденный, – сибирский неандерталец, все это вместе взятое – проблема огромной важности.

Ведь если и Сибири, на Алтае, существовали архантропы и палеоантропы, это существенно меняет традиционные представления о времени заселения Северной Азии человеком и вообще взгляды на процесс становления человека в целом и освоения им планеты.

Значит, не только Африка, Европа или Китай является ареной, где совершались всемирно-исторические процессы, подлинно начальной истории, но и Северная Азия, Сибирь.

Дальнейшие события, фиксируемые на экране сибирской археологии в верхнем плейстоцене, еще более расширяют наш кругозор, диапазон поисков вглубь каменного века.

Еще в тридцатых годах, вернее с 1929 г., когда простой крестьянин, житель села Мальты и деревенский культработник – „избач” – Платон Брилин доставили в Иркутский музей кости мамонта и северного оленя и тем самым дали первый импульс к открытию удивившему ученый мир культуры палеолитических охотников Сибири, встала и такая большая проблема, как происхождение этой культуры. И нужно подчеркнуть с особым удовлетворением, что именно последние десять лет принесли новые материалы, которые позволяют вернуться к этой теме на новой основе.

Дискуссия, в сущности, начата была основоположником советской науки о палеолите, нашего „палеолитоведения”, академиком Петром Петровичем Ефименко. Именно он своим опытным и изощренным глазом увидел в каменных изделиях из Мальты и Бурети нечто принципиально новое. В находках И.Т. Савенкова на раскопках на Афонтовой горе в Красноярске или в материалах, собранных В.Э. Петри при раскопках на Верхоленской горе в Иркутске, абсолютно преобладали массивные крупные орудия из расколотых речных галек. Это была выражено-галечная индустрия. Здесь же, в Мальте, преобладали мелкие орудия сделанные из отщепов и пластин. И эти мелкие орудия поразительно близки были к тому, что тот же Ефименко нашел при раскопках на Украине, в Черниговщине, в Мезине. Ему, тонкому знатоку мирового палеолита с колоссальной эрудицией пришли в голову и более далекие западные аналогии, в первую очередь, французские!

Кроме каменных орудий, такой же не сибирский, а чисто европейский облик имеют и замечательные художественные изделия Мальты и Бурети: в первую очередь, вырезанные кремневым резцом из бивня мамонта женские фигурки.

Конечно, в искусстве палеолитических охотников из Мальты и Бурети много „своего”, специфического. Например, таковы скульптуры летящих водоплавающих птиц, скорее всего, гагар. Таковы и „одетые”, а не обнаженные, как в европейских палеолитических меснахождениях женские статуэтки. Но ведь и в самой Европе, в том числе и в России, явственно выступает специфический „почерк” древних скульпторов на разных памятниках. Обнаруживаются на общей основе реалистические творчество мастеров ледниковой эпохи свои местные традиции, собственные „школы”. Что же удивительного, что такая школа со свойственными ей

особенностями стиля существовала одновременно с мезинской или костенковской на берегах Ангары?

Как все-таки возникла культура Мальты и Бурети: в результате проникновения на восток группы палеолитических охотников? Или, напротив, она произошла на месте, на собственной аборигенной основе, на основе влияния сходных природных и социальных условий? Конвергентным путем?

Понятно поэтому волнение, которое овладело специалистами по сибирскому палеолиту, когда они увидели новые палеолитические находки, притом именно там, где можно было всего скорее встретить своего рода временную остановку, передышку палеолитических путешественников, переселявшихся с Запада на Восток. Это произошло между нынешними Иркутском и Свердловском, в старом русском городе Ачинске.

Заслуга открытия Ачинской палеолитической стоянки целиком и полностью принадлежит энтузиасту-геолоту Г.А. Авраменко.

Во-первых важно, что „стоянкой” это посление ледниковой эпохи можно назвать только с оговоркой, условно, в такой же мере, как поселения в Бурети и Мальте. Обнаружены теперь и в Ачинске и остатки чудом сохранившегося жилища. Жилища, такого же в плане, как в Бурети, в Мальте, точно такого же по основному строительному принципу, из костей мамонта.

Это первая черта, сближающая культуры ачинских палеолитических строителей с тем, что характерно для Бурети и Мальты: наличие поселков с прочными домами из костей вымерших животных ледниковой эпохи. Иначе тот же хорошо нам знакомый уклад жизни и домостроительства, который в такой же степени характерен для первобытной Ангары, как для палеолитического Дона или Украины.

Вторая черта, наличие достаточно зрелого искусства, связанного в своем идейном содержании с охотничьей магией. Среди прочих изделий в Ачинске уцелела уникальная вещь, насыщая в себе представления о производительной силе природы, культ магии плодородия. Фигурка, вырезанная из бивня мамонта явственно изображающая производительный орган зверя, того же мамонта.

Третья черта, вместе с крупными орудиями из галек в каменном инвентаре Ачинский стоянки оказались чисто „европейские” по облику изделия из узких и тонких ножевидных пластин. В точности как в Мальте и Бурети. Что всего важнее, они были снабжены с боков специально сделанными выемками. Такие же выемки характерны для пластин Мальты, а также для находок из европейских поселений ориньякского облика. Снова Европа, Восточная и даже Западная!

Если взять эту культуру охотников на мамонтов в более широком

культурно-историческом плане, то первая заслуга сибирских исследователей заключалась в том, что они посмели сломать традиционные представления о том, что Сибирь была на протяжении тысячелетий безлюдной пустыней.

Трудами Н.К. Ауэрбаха, Г.П. Сосновского, М.М. Герасимова и других археологов далее не только было установлено широкое распространение палеолитической культуры в долинах великих сибирских рек, но и доказан факт существования там поселков оседлых или полуседлых охотников на мамонта, имевших культуру, не менее развитую, чем у их соседей и современников в Европе.

Теперь, после раскопок в Мальте и в Бурети, мы знаем, что люди сибирского палеолита создали свою удивительную архитектуру. Основой ее было применение в качестве строительного материала не столько дерева, сколько бивней и бедренных костей мамонта, рогов северного оленя, черепов носорогов. Эти пра-aborигены Сибири изобрели превосходно приспособленную к пронизывающим ветрам зимней тундры „глухую” одежду типа комбинезона.

И, что всего замечательнее, у них 25–20 тыс. лет тому назад существовало богатое, выполненное реалистическим пафосом искусство. Его сюжеты не только отражают уже достаточно сложное общественное устройство первобытной родовой общины, но и вводят нас в духовных мир людей ледникового периода. В живых образах палеолитического искусства отражены не только наблюдательность и художественная фантазия, но и качество не менее высокой ценности, — зачатки астрономических наблюдений и математических знаний, навыки счета².

Сказанного достаточно, чтобы показать, как глубоко опускается в прошлое человека сибирская археология. Какие необъятные горизонты раскрываются перед ней.

Но речь идет не только о том, что археология опускается вглубь времен, но и, а это не менее важно, как она поднимается из глубины вверх, к позднейшим временам — вплоть до современности.

И здесь, начиная с эпохи неолита, выявляется новая проблема — своеобразия культур на разных географических ареалах.

Разумеется, проблема локальных различий в культуре древнего населения Сибири, вернее — в памятниках различного облика, интересует нас и в области палеолита. Но в неолите эта проблема приобретает особое значение — речь идет об истоках национальных культур, существующих в наше время. О их исторических корнях.

² Б.А. Фролов, Применение счета в палеолите и вопрос об истоках науки Известия Сибирского отделения АН СССР, серия общественных наук, 9, вып. 3, Новосибирск 1965; Его же: Рациональное содержание искусства в палеолите (по материалам орнамента), Новосибирск 1966.

В качестве примера такого своеобразия можно привести характеристику двух особенно контрастных культур неолита. В тайге Прибайкалья и Якутии жили в неолитическое время бродячие, или в крайнем случае, полубродячие охотники на лося, косулю и благородного марала. Рыболовство в их жизни имело подсобное значение и ни в коем случае не определяло образа жизни, не откладывало сколько-нибудь существенного отпечатка ни на мифологию, ни на искусство. В центре их космогонии и охотничьих культов, а также произведений искусства – петроглифов и резной кости, находился образ лося, второго хозяина тайги после медведя и главного источника пищи для таежных племен.

В силу условий их подвижной жизни у них не существовало сколько-нибудь прочных и крупных объединений, более широких, чем родовые коллективы. Об этом свидетельствуют небольшие по размерам могильники и остатки поселений, где домашняя жизнь концентрировалась внутри отдельных легких жилищ типа чумов или холомо современных охотников и рыболовов.

Принципиально по-другому в неолите складывалась жизнь древних племен нашего Дальнего Востока.

На Амуре и в соседних областях Приморья, где главным источником существования была добыча проходной морской рыбы, по берегам рек стояли прочные полуподземные жилища, существовали настоящие поселки, своего рода деревни людей каменного века.

Самая характерная черта неолита Амура – его искусство. В то время, как на Ангаре и Лене господствовала простая прямолинейно-геометрическая орнаментика, здесь неожиданно рано развивается фантастически боратый криволинейный узор в виде спиралей, а рядом с ними – меандры с специфической „амурская плетенка” в виде переплетающихся рельефных полосок, такой же как в средневековом и древнерусском узоре.

Если в искусстве лесных охотников Прибайкалья и Якутии продолжает устойчиво жить реалистический дух древнего ананизма их далеких предков ледниковой эпохи, то здесь особенно наглядно – петроглифах побеждает абстракция³.

Сложность и прогрессивное направление развития неолитических общин на Дальнем Востоке находят свое выражение и в том, что здесь неожиданно рано и широко распространяется не присваивающее только, но и производящее хозяйство. В Поморье обнаружены следы неолитического земледелия, а вместе с ним и разведения скота, сначала свиньи, а вслед за ней крупного рогатого скота и, со временем, даже лошади.

³ А.П. Окладников, Лики древнего Амура, Новосибирск 1968; Его же: Петроглифы нижнего Амура, Ленинград 1971.

Вместе с тем, устанавливается замечательное соответствие культуры таежных охотников Прибайкалья с культурой неолита этой области позднейших тунгусских племен. Амурского неолита – с этнографической культурой загадочного по происхождению народа нивхов, также их соседей – тунгусоязычных ульчей, нанайцев и других подственных им племен нашего Дальнего Востока.

В свою очередь, на Западе Сибири явственно прослеживаются связи местного неолита и более поздних культур финноуграми не только сибирскими, но и Восточной Европы. Такой же поиск может быть успешно продолжен и еще дальше, по направлению и к палеоазиатам Северо-Востока.

Со временем происходит новый сдвиг, совершается дальнейший шаг в будущее. Распространяется металл, сначала – в степях, а затем (и очень быстро) в тайге. На рубеже I и II тыс. до н.э. возникают первые скотоводческие общества в великом степном поясе Евразии.

Само по себе распространение металла, о чем свидетельствуют клады мастеров-летейщиков в Минусе и за Байкалом, способствовало скрещиванию и взаимодействию культур. Характерная черта этого времени – разрушение былой замкнутости древних племен, занимавшихся охотой, рыболовством или земледелием.

Происходило небывалое прежде по масштабам взаимодействие культур. Шел, своего рода, широкий синтез разнородных по происхождению и характеру культурных элементов.

По всему огромному пространству Евразии вместе с металлом, единообразными формами металлических предметов вооружения – кельтами, орудиями труда, украшениями и утварью, например, котлами скифского типа, удилами и псалями, распространяются также кони и колесницы. Одновременно распространялось и многое другое: художественные образы и стилевые черты искусства. Как завершение и наиболее яркое выражение всего этого процесса рождается, наконец, одно из самых ярких явлений в истории культуры древности – степной „скифо-сибирский”, звериный стиль.

В нем контрастно сочетаются два противоположных качества: реалистически точная передача тех или иных признаков формы животного и необычайная их стилизация. Наблюдается смелое сочетание обыденного и фантастического. Произведения этого стиля обмечены динамизмом, наполнены борьбой и страстью. В них нет следа ясного спокойствия, той уравновешенности, которая наполняет бесчисленные композиции неолитического времени на скалах в тайге⁴.

⁴ А.П. Окладников, Олень Залотые Рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками, Ленинград 1964.

Особое место в открытиях и дискуссиях последних лет занимают среди культур бронзового века Южной Сибири две культуры. Первая из них получила наименование окуневской культуры по могильнику вблизи Окунева улуса на Енисее, в Минусинской степи.

Ее характеризуют, прежде всего, удивительные антропоморфные изображения — личины и причудливые мифические звери⁵. Появление этого странного и поразительного художественного мира существенно изменило старую, классическую картину эволюции культур средней и ранней бронзы на Енисее. Оказалось, что „карасукские” стелы со скульптурными изображениями быкоголовых божеств вовсе не карасукские, а старше их, по крайней мере, на пятьсот, если не на тысячу лет. Так был развеян грандиозный мираж происхождения карасукской культуры с „Востока”.

Вторая, вновь возникшая на экране истории Сибири, не менее оригинальная, культура бронзового века названа самусьской, по первым находкам. Она размещена севернее, в низовьях Томи и вблизи Новосибирска. С ней связана новая проблема, проблема связей между племенами таежной зохи Евразии.

И та и другая новые для архелогов культуры свидетельствуют о сложных связях и взаимоотношениях между древними племенами Сибири и соседних с ней территорий Евразии в столь далекое время, как II и даже III тысячелетия до нашей эры. О том, что мир и тогда был сложным, а вместе с тем и тесным.

Последнее десятилетие вызвало к жизни новые идеи о тех процессах, которые происходили и в лесных областях, в сибирской тайге, в Приуралье и в лесных областях России. Здесь лишь изредка встречаются отдельные бронзовые предметы, явно доставленные из степных металлургических центров: карасукские по типам мечи и кинжалы, также литые бронзовые кельты, наконец, — типичные скифские котлы. Керамика же совершенно иная. В корне отличны и памятники наскального искусства.

Внимательно взглядываясь в немногочисленные, но характерные бронзовые изделия из тайги, а также наскальные изображения, например, обнаруженные на скалах Саган-Забы в районе Байкала, можно наблюдать интереснейший факт. Бронзовые топоры-кельты в тайге имеют не собственно карасукский облик, а ближе всего к найденным на Урале и в Поволжье, связанным с лесными культурами бронзового века, получившими от В.А. Городцова по первым находкам наименование сейменских, а позже семино-турбинских — по могильнику у деревни Турбиной на Урале. И такие же связи с лесными районами Западной Сибири и лесной полосы Восточной Европы обнаруживаются

⁵ Э.В. Вадецкая, Древние идолы Енисея, Ленинград 1967.

в петроглифах Байкала. Существовал, следовательно, в лесах Евразии параллельной степному своего рода второй коридор, по которому распространялись культурные влияния, протекал процесс взаимосвязей и взаимодействия.

Без учета такого взаимодействия в духовной жизни лесных племен не понять и такое важное явление, как шаманизм. Не случайно же и в бронзовом литье и на петроглифах-писаницах именно в этом направлении обнаруживаются образы шаманов и шаманских духов в характерном облачении, с рогами на головных уборах. Они, эти пасаницы, с шаманами, встречаются на скалах у Байкала, в низовьях Ангары, на реке Томи и в Приуралье.

Таким же образом видим мы на керамике: рогатых человечков с поднятыми вверх руками, адорантов. В бронзовом литье – литые маски, личины⁶.

Таким образом, древние племена Сибири на протяжении многих тысячелетий не только прошли большой, насыщенный событиями, исторический путь, но и создавали значительное по условиям того времени культурные ценности.

Следующий большой комплекс проблем, стоящих перед археологией Сибири, связан с новым, дальнейшим этапом истории народов Сибири, когда они не только вступают в новую индустриальную эру – в железный век, но с течением времени создают и собственную государственность.

Факт существований таких государственных образований известен давно, но из него не было сделано сколько-нибудь широких выводов. Более того, имела место и принципиально неправильная его оценка. А между тем для истории народов Сибири и Дальнего Востока, в целом, он имеет исключительно важное значение. Прежде всего, как свидетельство закономерности исторического процесса и как выражение их творческой силы.

В этой области исследований четко выделяются два принципиально важных, а вместе с тем и качественно отличных этапа. Первый соотносится с временем возникновения первых государств рабовладельческих Евразии и Переднего Востока. Второй – средневековой.

Что касается первого, то обращает внимание такой феномен, какими являются наземные саркофаги – плиточные гробницы Забайкалья и Монголии. Конечно, эти могильники тотально и неоднократно задолго до археологов раскопаны, алчными до золота грабителями. Но и то немногое, что сохранилось внутри них, а также сам по себе характер могильных сооружений могут рассказывать многое, об исчезнувшей некогда культуре.

⁶ С.И. и Н.М. Руденко, Искусство скифов Алтая, Москва 1949; А.П. Окладников, Петроглифы Байкала, Новосибирск 1974.

Замечательно уж то, они охватывают поистине колоссальную территорию степной полосы Евразии. Их граница юге находится в той области, доходит до Тибета и Беликой Китайской стены. На севере самые отдаленные от центра плиточные могилы обнаружены мною на горе Манхай и Кидинской степи. На западе они простираются, по крайней мере, до Тувы. На всем этом пространстве, где позже разворачивается начальная история и тюрков, и монголов, плиточные могилы обнаруживают поразительное единообразие ритуала и погребального инвентаря, а также искусства, представленного такими эффектными образцами, каковы „оленные камни” и подставленные им по стилю и сюжету петроглифы „скифо-сибирского круга”.

Здесь нет монументальных единичных захоронений. Погребения „плиточников” строятся одинаковыми параллельными рядами, состоящими из равных друг другу ящиков. Такое единообразие свидетельствует о прочности еще родовых связей, о социальном единообразии, о равенстве погребенных. Но что это за равенство, кто кому равен?

Судя по немногим сохранившимся, но все-таки присутствующим даже в ограбленных могилах украшениям из камней-самоцветов, по дорогим импортным бусам, бронзовым кинжалам плиточные могильники принадлежали не просто родовой общине, а малой общине, притом богатой, аристократической. Неизвестно, правда, где хоронилась и как погребалась основная масса общинников. Но не для всех же строились монументальные сооружения из огромных каменных плит, доставляющихся нередко издалека, за многие километры. Не все имели золото, драгоценные бусы и другие вещи.

Можно полагать с значительной долей вероятности, что, примерно, во второй, половине второго тысячелетия до нашей эры в степях Забайкалья и Монголии уже сложилось огромное по территориальным масштабам племенное объединение. Оно имело однородную внутреннюю структуру, вело одинаковый образ жизни, создало единую духовную культуру, свидетельством чего служит единство искусства, своеобразный „звериный стиль” с образом солнечного златорогова оленя на основе.

Новые раскопки в Туве, возглавленные тончайшим знатоком культуры степных племен эпохи раннего металла, М.П. Грязновым снова потрясли нас не только выразительностью и монументальностью изученного огромного погребального сооружения, но и тем ярким светом, который брошен на социальные проблемы древнейшей, как оказалось, скифо-сибирской культуры.

Огромный курган, представляющий собой единый и вполне законченный в архитектурном плане могильник, последнее пристанище множества захороненных в нем людей, прочтен М.П. Грязновым именно

как удивительное и красочное повествование о социальных отношениях у скифов, как свидетельство о структуре скифско-во общества, документ о его политическом строе.

Могильник имеет в центре саркофаг главного лица, даже не вождя, а царя скифов. От него в строгом порядке, радиально, как бы лучи от солнца, отходят полосы других захоронений. При этом – захоронения видных и богатых лиц, одетых некогда в роскошные одежды иноземного, древневосточного, происхождения, доставленные из далеких стран войной или торговлей. Это, по мысли исследователя были не насильственно умерщвленные жертвы, не рабы, не военнопленные. Это добровольно „соумиравшие”, таким же, как в исторических засвидетельствованных письменными источниками случаях. Например, в раннефеодальной Японии, где покойного императора, тенно, добровольно сопровождали самые близкие наиболее преданные ему соратники.

И, соответственно, нужно сделать общий заключительный вывод, что перед нами не просто родовое сообщество, а уже достаточно развитое раннеклассовое общество с главным вождем – царем, во главе.

Такова трактовка памятников скифского времени на Алтае и в Туве, которая в принципе подтверждается и данными полученными при анализе скифских царских курганов Причерноморья. Причем самое главное заключается в том, что скифское общество Тувы, как и Алтая на этой ступени принадлежит неожиданно раннему этапу, много старше, чем царские курганы Причерноморья.

Отсюда следует и другой важный для археологов Сибири вывод. О том, что глубинная азиатская Скифия Аржана и Пазырыка представляла собой не какое-то захолустье, а видный и влиятельный центр социального и культурного развития во всем сакском и скифском мире.

Примерно на том же уровне находилось гуннское объединение, о жужни и судьбах которого подробно сообщают древние китайские летописи. И не менее наглядно – гуннские могильники Северной Монголии и нашего Забайкалья. Важным вкладом в понимание гуннского общества явились, в частности новейшие раскопки огромной гуннской княжеской могилы в Ильмовой пади около Кяхты, проведенные Бурятским институтом Общественных наук. Из этих раскопок, осуществленных впервые в таком масштабе и так методично, получены истинные представления не только о сложном архитектурном устройстве этого монументального сооружения, но и социальной структуре самого общества гуннов.

Сгуннами Монголии и Забайкалья в тесной связи находились енисейские кыргызы, образовавшие на юге Западной Сибири государство, которое проявило удивительную стойкость и жизненную силу на протяжении более, чем полутора тысяч лет, до монгольского завоевания, которым оно было уничтожено. В стане кыргызов, согласно письменным источникам, уже

около двух тысяч лет тому назад и позже имелись административные ставки-центры, существовала аристократическая верхушка и государственный аппарат во главе с правителем, носившим титул ажо⁷.

Большим успехом сибирской археологии является открытие в Хакасии монументальных сооружений дворцового типа, в том числе исследованных недавно Л.Р. Кызласовым таких зданий вблизи Абакана. Очень важно, что государство хакасов проявило большую устойчивость и жизненную силу, оно окончательно пало, как полагает Л.Р. Кызласов, лишь после карательной экспедиции юаньского военачальника Тутухи в 1293 году, а не в 1207 году, т.е. спустя 86 лет⁸.

На более низком уровне развития социальных отношений находились, по-видимому, соседи кыргызов тюркоязычные курыканы на Ангаре и Верхней Лене. Однако, и там, судя по наскальным рисункам шипкинских скал и руническим надписям, имлась властная аристократия. Существовал союз трех племен, во главе которых, как у хазар на Волге, стояли два вождя, сыгиня. В Шипкино на Лене на скалах изображены сцены военных столкновений. Видны конные воины на богато украшенных лошадях, со знаменами в руках. Зачатки государственности у курыканов, нужно думать, были такими же, в принципе, как у их современников и соседей в Центральной Азии, орхонских тюрков первого и второго каганатов. В них причудливо сочетались, должно быть, элементы древнего патриархально-родового слоя и нового, классового, скорее всего, феодального общества.

Вторым центром государственности Северной Азии были Приморье и Приамурье, где существовали государства, а затем каганат Чжурчженей⁹.

⁷ Н.Н. Кузьмин, Хакасы, Иркутск 1925; В.В. Бартольд, Киргизы. Исторический очерк. Социния, т. II, часть I, Москва 1963; Л.Р. Кызласов, Средневековые города Тувы, „Советская археология“, 1959, № 3; Его же, История Тувы в средние века. Автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, Москва 1966; Его же, Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении), „Вестник Московского гос. университета“, История, 1964, № 4.

⁸ И.Л. Кызласов, Аскизская культура Южной Сибири, происхождение и развитие (X-XIV вв.) Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Москва 1977.

⁹ Э.В. Шовкунов, Бохайские памятники Приморья. По исследованиям 1969 г. Археология и этнография Дальнего Востока. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь, вып. I, Новосибирск 1964; Его же, Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, Ленинград 1968; А.П. Окладников, Далекое прошлое Приморья. Очерки по древней и средневековой истории Приморского края, Владивосток 1959; А.П. Окладников, А.П. Деревянко, Далекое прошлое Приморья и Приамурья, Владивосток 1973; В.Е. Медведьев, Культура амурских чжурчженей Конца X-XI вв. На материалах грунтовых могильников, Новосибирск, 1977; В.Д. Ленков, Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII в. По материалам исследований Шайгинского городища, Новосибирск, 1974.

Старый спор о истоках средневековой государственности на Дальнем Востоке находит новое освещение в результатах археологических исследований последних лет на Амуре и в Приморье. Исследования эти всей массой накопленных вещественных данных снова подтверждают основное положение марксизма о том, что возникновение государства является закономерным последствием развития производительных сил, а не проявлением воздействия одних только внешних сил. Мы уже видели, как на Дальнем Востоке в течении тысячелетий последовательно развивались производительные силы древних общин. Еще в неолите зарождается земледелие, а вместе с ним и разведение домашнего скота, сначала свиней, потом рогатого скота и лошадей. Многочисленные поселения раскрывают картину постепенного развития земледельческо-скотоводческой жизни племен, обитавших в плодородных долинах рек Зеи и Среднего Амура.

Все сказанное выше вовсе не означает, однако, что народы Сибири создавали свои культуры, проходили свой исторический путь в изоляции от всего остального мира, в отрыве от народов как соседних, так и более отдаленных стран, в том числе — очагов древнейшей классической цивилизации. Идти по такому пути означало бы уступку инерции национальной ограниченности и сужение подлинной исторической перспективы до неоправданно узких локальных рамок, искажение реальной картины прошлого.

Особенно интересны в этом плане данные, раскрывающие существование древних культурно-этнических связей между населением Сибири и современными ему племенами и народами Средней Азии, а также населением Европейской России. Эти связи имеют принципиальное значение. Как показывают многочисленные факты, известное ленинское положение, что „Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии”¹⁰, помогает вполне понять и отдаленное прошлое азиатской части России, в том числе Сибири. Факты эти свидетельствуют о постепенном запоздании исторической общности между народами Сибири и другими народами Советского Союза.

Решающее, поворотное, значение для судеб сибирских народов имел поход Ермака в 1581–1582 гг. в Сибирь и крушение ханства Кучумана. Началось освоение Сибири русскими, пришел конец былой изоляции ее от передовой европейской культуры, происходит сближение русского народа с коренными народами Сибири.

Этот вопрос освещается не только письменными, но и вещественными

¹⁰ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 326.

-археологическими источниками. Большой интерес вызвали первые нечаянные находки на острове Фаддея и в заливе Симса у берегов Таймыра остатков русской торгово-промышленной морской экспедиции, вышедшей в свое плавание около 1619 года, до правительственного запрета на такие плавания¹¹.

Раскопки „Златокипящей Мангазеи” начаты были В.Н. Чернецовым и ведутся с большим успехом экспедицией М.И. Белова. Собран огромный материал, который позволяет полнее представить историческую роль Мангазеи и драматические события, происходившие в ней, освещенные трудами С.В. Бахрушина.

За последние годы Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР осуществлены археологические исследования Илимского острога, в Албазине на Амуре. Собран богатый и який материал по русской культуре в Сибири. Произведены историко-архитектурные работы в древнем Зашиверске, заполярном русском фопосте на северовостоке Азии. Уникальный, единственный в Северной Азии, деревянный храм, построенный местным плотником Хабаровым в 1700 г., доставлен в Академгородок в Новосибирске. В 1978 г. опубликована монография о Зашиверске.

Все это, вместе взятое, документирует начатый походом Ермака грандиозный по территориальным масштабам и значению для русской и мировой истории процесс освоение Северной Азии русским народом в XVI–XVIII веках.

Таковы общие итоги сибирской археологии.

¹¹ А.П. Окладников, Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра, Москва 1957; сб. „Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса”, Ленинград 1951.

* Текст этот представлен был и награжден на VIII Международной Семинар Студентов Археологии в Лондоне (9–13 kwietnia 1979 roku). W wersji niniejszej umieszczone zostały fragmenty dotyczący ogólnej antropologicznej problematyki kolorów.